

«Утверждаю»

Проректор по научной работе

ФГБОУ ВО «Тульский

государственный университет»

профессор В.Д. Кухарь

_____ 2015 г.



ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию
Базарова Арсения Николаевича «Топос русского жизненного мира»,
представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

Актуальность избранной темы представляется бесспорной, более того, ввиду постоянной изменчивости национальных и этнических культур, она будет сохранять свою остроту если не вечно, то в обозримом будущем. И тем более данный тезис уместен применительно к нынешнему времени, осложненному мозаикой глобализационных тенденций, в перспективе нацеленных на нивелирование социально-культурных идентификаций, уникальности идеологических и политических проектов. Разумеется, затрагиваемая проблематика непосредственно касается современной России, пока не выработавшей четких идеологем как в масштабах мирового самоопределения, так и стратегий в динамике развития. В общих контурах таковая национальная идея наметилась – служить опорой в построении многополярного мира, тем не менее, столь нелегкая задача требует скрупулезной работы по формированию не только элементов внешнеполитической деятельности, но, в свою очередь, и собственного базиса – национального самосознания, так что заявленная тематика, конкретизируемая вопросом «Кто мы такие?» (см. Заключение) выглядит попыткой, пусть и далеко не окончательной и спорной, внести некоторую ясность в данной проблемной области.

Безусловно, затянувшийся кризис имеет глубокие культурно-исторические корни и многосложен по содержанию. Автор избирает для анализа одну, но весьма существенную его сторону – разрыв рациональности, нацеленной на построение идеализированных, абстрактных сущностей (кризис классической рациональности) и реалий «жизненного мира» (по сути, ориентируясь на экзистенциалы повседневности), что опять же органично вписывается в общую направленность в современном ученом мире – антропологизацию наук (и не только гуманитарных), подходов к объяснению социальной и культурной жизни в целом. В данном случае задействование, в качестве одного из ключевых, гуссерлианского понятия «жизненный мир» является действенным и оправданным. Концепт данного понятия в совокупности с понятием «топос» диссертант конструктивно проецирует на русский жизненный мир, подтверждая собственные размышления аналитикой философии русского космизма.

Оценка степени разработанности проблемы (Введение) подтверждает как меру надлежащей эрудиции автора, осведомленность в рамках перечня необходимой философской литературы по избранной тематике, так и способность свободной ориентации в комплексе сопряженных проблем (в связи с чем указываются имена Э. Гуссерля, А. Шюца, М. Вебера, Ю. Хабермаса и др., а также широкого ряда отечественных мыслителей, среди которых и социологи, и психологи, и педагоги). Она же указывает на должный навык научной интерпретации исследуемых текстов, умение обнаруживать существующие изъяны в методологии и подходах к изучению русского жизненного мира в его специфике, производить корректировку теоретического материала под потребности собственного аналитического дискурса. Справедливо отмечается, что работ, исследующих русский жизненный мир через категорию пространства чрезвычайно мало, так что автор обоснованно берется восполнить данный пробел.

Цель работы соответствует заявленной теме и адекватно отражает содержание диссертации (хотелось бы отметить, что комплексный охват воз-

можных моделей русской ментальности едва ли возможен без рефлексии аксиологического параметра, но это бы чрезмерно расширило бы объем исследования). Формулируемые задачи корректно отражают последовательность дискурсивной и логической композиции авторского замысла продвижения к поставленной цели по классической схеме от общего (концептуализация базовых операциональных понятий «топос», «жизненный мир» (Lebenswelt), «коммуникативное действие») к частному – разработке представлений об организации пространства в рецепции национального жизненного мира и их конкретизации как в жизненной практике, так и в масштабе философских идей космизма.

Основу методологии исследования составили системный, структурно-функциональный, исторический, философско-компаративистский подходы, которые, исходя из полученных результатов и выводов, позволили А.Н. Базарову прийти к самостоятельным наблюдениям и оригинальным, аргументированным теоретическим построениям. В качестве позитива также следует отметить, что диссертант уделил внимание расшифровке действенности каждого из указанных методологических средств, не ограничиваясь их формальным перечислением.

Положения, выносимые на защиту, отражают главные результаты работы, полученные соискателем. Особая значимость и новизна в данном случае проявляется в концептуализации понятия «топос», разносторонне рассматриваемое автором на материалах историко-философского анализа и получившего детализацию в трех основных его пониманиях. Семантика топоса, в свою очередь, позволяет эксплицировать картину мира (сумму топосов) в качестве пространства производства смыслов и условия коммуникации - момент, достаточно оригинальный и новационный в перспективе исследования русского жизненного мира, особенно если учесть удавшуюся попытку синтезировать топос как традиционное представление о пространстве и его семиотические характеристики. В этом отношении пункты 3-6 положений (с. 13) органично продолжают логическую цепь первых посылок, среди них: само-

стоятельная авторская разработка специфики русской топики – замкнутость, противоречивость; выявление особенности структуры русского представления о пространстве (вертикаль, побуждающая к ее освоению и преодолению); попытка нахождения тождества «родовой конструкции» пространства и реализации данной конструкции в умопостроениях философии космизма (с. 14-15).

Научно-теоретическое и практическое значения исследования свидетельствуют в пользу умения диссертанта адекватно оценивать его место и весомость в масштабе общего корпуса современных гуманитарных изысканий в сфере национальной культурно-философской проблематики, возможности его эффективного использования, равно как и осознанности в тематическом выборе. Апробация результатов исследования дает повод для уверенности в разностороннем и тщательном процессе изучения темы.

Первая глава посвящается автором теоретическому оформлению и обоснованию ключевых понятий, требующихся для дальнейшего использования на конкретном примере построения проекта специфики русского топоса. В первую очередь таковым является концепт «жизненного мира» (Lebenswelt), заимствуемый в феноменологии Э. Гуссерля. Анализ данного источника свидетельствует о глубоком знании и свободном владении диссертанта философским материалом, что обеспечивает возможность обрамления «жизненного мира» контуром смежных понятий и вычленив из его композиции необходимые операциональные потенциалы (понятия «горизонт», «гештальт», «топика», «картина мира» и т.д. – п. 1, гл. 1). Рассмотрение гуссерлианской текстологии далеко не сводится к ее реферативному изложению, но сопровождается живым и самостоятельным комментарием, содержащим тенденцию к экспликации дальнейших умопостроений. Так, выстраиваемая логическая схема «жизненный мир» – «горизонт» – «гештальт» дает повод предложить собственные смысловые нюансы интерпретации данных определений и подвести к уточнению Lebenswelt в аспекте интересующей автора пространственной рецепции, расставить смысловые акценты в системе их

семантического и феноменологического взаимодействия. Особенная значимость при этом придается анализу гештальта, как соединительного звена субъективного, индивидуального жизненного мира со структурой системообразующих социальных образований, в результате чего вышеуказанные понятия получают углубленную доработку и конкретику (с. 27-28), и приобретают характеристики исследовательского инструментария. На их основании оправданно делается ход в сторону постулирования вертикали как неременной атрибутки восприятия (причем, согласно позиции автора, априорного свойства) и «топики», как наиболее общего элемента в содержаниях различных «жизненных миров», условия их возможности.

Уже в первом же параграфе автор, опираясь на предварительно селекционированный понятийный аппарат, безотлагательно принимается за реконструкцию определения «русский мир» (демонстрируя при этом и хорошую эрудицию в области отечественной истории), отмечая его многогранность в качестве топического, феноменологического и антропологического концепта.

Центральным для изучения, что вполне очевидно из материала первой главы, выступает понятие «топос». Учитывая важность его операционального статуса в процессе исследования темы, диссертант производит детальный анализ эволюции данного понятия в коммуникативной и семантической сферах (риторики) от момента его обращения в качестве единицы языка, указывающей на пространственную принадлежность, до концепта, отражающего локус порождения и распределения смыслов («пространства текста»). А.Н. Базаров, привлекая значительный подбор ссылок на классиков философской мысли (и не только философской), убедительно обосновывает тезис о системообразующей функции топоса как элемента надежной функциональности философских, социологических и феноменологических течений, его неотъемлемости в цепи коммуникации, а также существенную семантическую специфику данного концепта в ряду семантически смежных понятий (с. 39-41), в чем обнаруживается вполне новационный подход.

В результате произведенного анализа автор вычленяет три основных определения топоса, и поиском их синтетического единства (топоса в территориальном смысле и топоса как средства социальной интеракции) становится материал второй части первой главы. В этом случае предметом рассмотрения и орудием доказательности в ходе рассуждений избирается топологический элемент «площадь», поскольку, по мысли диссертанта, именно она в европейской культуре выступает и концентрацией смысла пространства («общее место»), и пространством смыслов («общее дело»). Аргументация, к которой обращается автор, здесь подкрепляется не только хорошим знанием исторических фактов, но и, что ценно, собственными меткими наблюдениями и теоретическими посылками (например, значимость площади для формирования свободомыслия и гражданского общества), на базе чего производится дифференциация стилей социальной коммуникации в европейской и русской культурах (действительно, можно считать, что здесь автору на ряде положений удалось достаточно корректно уловить переходность топики пространства в семантический ракурс и продемонстрировать хорошее владение приемами диалектики). Уже на данном этапе начинает просматриваться схема реализации исследовательского проекта, заключающегося в обосновании идеи: территориальное устройство русского государства позволяет интерпретировать его ландшафт как огромную, ограниченную горными цепями, замкнутую площадь, отсюда несущественность собственно городских площадей в российской истории, вывод о необходимой интровертивности русского топоса (с. 59, с опорой на географа (!) Х. Маккиндера), из чего далее следует примат двумерности вертикали («верх-низ») в структуре отечественного жизненного мира в сравнении с трехмерностью европейских структур (о чем идет речь уже во второй главе). Прибегая к комбинации диалектических раскладок, автор формулирует достаточно оригинальную (если не спорную) характеристику русского топоса: иррациональность, апофатичность, реактивность (как результат двухлинейного противодействия – европейским

идеям, – жаль, что автор не поясняет, каким, – и суровым климатическим условиям – с. 59-60).

В итогах первой главы диссертант резюмирует выявленные особенности русского жизненного мира: замкнутость, низкую плотность населения, интровертированность в способе социальной интеракции, интенциональность к преодолению пространства, чем вполне логично подготавливается почва для дальнейшей конкретизации и развертывания полученного тезиса.

Итак, заявленное положение по поводу вертикали, как структурообразующего элемента русского топоса, получает уже наглядное, подтверждаемое примерами, обоснование в тексте второй главы. По мысли автора, данный конструкт (вертикаль) следует представлять в виде противоположно ориентированного вектора по модели «вверх – вниз» (причем направленность «ввысь» преобладает – с. 84). Соответственно первый параграф призван подтвердить присутствие схематики нисходящего вектора в проекции русского жизненного мира. Система доказательства действительно представлена достаточно самобытно, поскольку почти классическим примером в подобном случае избирается семиотика метро как зеркально перевернутое отображение парадных сооружений надземного мира (и даже храмов), однако для А.Н. Базарова наиболее выразительными являются феномены мемориального пространства (братских могил, захоронений и курганов, впрочем, упоминания о метро и архитектонике храмов также присутствуют, хотя не в столь развернутом плане). Таковое указание выглядело бы парадоксально, если бы автор не подкрепил ход собственных рассуждений надлежащими комментариями, заключающими аргументы в пользу семантической тождественности мемориальных топосов и святости религиозных сооружений, которые (т.е. последние) имеют безусловную значимость в плане восприятия и организации русской пространственной сферы. Приводимые доказательства, будучи достаточно убедительными, в данном случае существенно снижают меру спорности авторских положений.

Ряд наглядных способов аргументации в пользу наличия нисходящего вектора в русской топической вертикали автор обнаруживает в обращении новозаветным сюжетам сошествия Христа в ад и факту бурения Кольской сверхглубокой скважины. Как показывает текст, данные примеры служат подтверждению единства и завершенности топической картины, что и требуется для восприятия мира во всеобъемлющем (космическом) масштабе (с. 93). Подобное сопряжение контрадикторных примеров (сакральное – светское) диссертанту удастся обосновать общим стремлением русского сознания к «негации» (преодолению) пространства в любом измерении и шире – любого качества и содержания (по словам автора, речь может идти и о «территории страны, и о пространстве текста, и пространстве химических элементов» – с. 75).

Перечень примеров «нисхождения» в не меньшем объеме в параграфе дополняется отсылкой к феноменам «восхождения», это: задействование термина «летание» (А.В. Сухово-Кобылин), который диссертант, придавая пространственному смыслу и смысл риторический, преобразует в более глубокое понятие «одухотворенность», это и обращение к отечественной истории освоения космического пространства (полет Ю. Гагарина), строительство телевышек, Останкинской телебашни, сверхвысоких архитектурных сооружений. По большому счету, подобный переход от анализа одной ипостаси топического вектора к противоположной можно считать оправданным в силу того, что автор не ограничивается сухим определением его конструкции, но стремится придать ему жизненное содержание. На основе приведенных примеров, а также опираясь на положения философии космизма Н. Федорова, автор конкретизирует устройство русского топоса, его пространственный модус обретает характер бинарности, по модели «братская могила / космическое пространство» (с. 79), сверх того и само понятие топоса постоянно уточняется (например, в очередном сопоставлении с новым понятием – «миропроект» Л. Бингсвангера), дополняется «риторической» (символической – на фоне сравнений с фактами религиозной духовности) и метафорической

нагруженностью (образ дерева, с. 84), становясь более операциональным в исследовательском употреблении.

По сути, параграф посвящен развертыванию и обоснованию одной из центральных идей работы – идее преодоления пространства, лежащей в дефиниции русской топики (с. 83). Собственно, данный постулат диссертант и отмечает в качестве итога к параграфу, задействуя следующую логическую схему: топос русского жизненного мира есть исключительно замкнутое пространство, следовательно, оно должно являться площадкой для творения преимущественно вертикальных построений, что в свою очередь, перенаправляет ориентиры русского жизненного мира от материального к духовному (параллельно отметим значимость короткой, но емкой формулы, присутствующей здесь же, дополнительно проясняющей интерес автора именно к феномену пространства: «Стремление к вертикальности – феноменологическое условие столкновения с пространством как с феноменом» – с. 99).

Интрига последней части диссертации (параграфа) связана с финальной конкретизацией содержания топоса, а именно – синтезирования данного понятия в контексте пространства смыслов и образа пространства в тексте. Поводом для построения подобного единства служит обращение к новому инструментальному средству – концепту утопии (а также анти-утопии), который, для придания ему более функциональных операциональных возможностей, подвергается семантической деконструкции и философской реставрации (по словам автора, речь должна идти о «философской утопии» – с. 100). Утопия представляется в качестве «абстрактной» или «идеальной модели», «изначального проекта», что позволило автору репрезентировать ранее приводимые аргументы в пользу устремленности русского сознания «ввысь» в иной ипостаси – пространства смыслов и их реализации (или девальвации – в антиутопии; заметим, что диссертант сохранил и укоренившийся смысловой компонент трактовки утопии – ее принципиальную несбыточность, с. 118). Благодаря оригинальной и самостоятельной аналитической стратегии (на уровне «мысленного эксперимента») автор добивается не менее ориги-

нальных исследовательских обобщений, характеризующих русский топос уже в семантической интерпретации, к числу которых относятся определения русского пространства как наиболее адаптивного к утопическим сценариям, русской истории как смены утопических и антиутопических («дистопических») сюжетов. Несмотря на то, что приводимые суждения во многом не бесспорны и проблематичны (с. 103-105...), автор предоставляет необходимый и обоснованный комплекс собственных доводов, свидетельствующих об адекватности указания на концепт утопии как на объект, реализующий интеграцию двух аспектов содержания топики. Апеллируя к ряду остроумно подобранных примеров (в частности, связанных с анализом литературных и архитектурных творений – с. 108-112; с. 116-119). А.Н. Базаров органично вписывает схему «утопия-антиутопия» и в композицию русского топоса, строение которого продолжает оставаться предметом уточнения на протяжении всего процесса исследования.

Еще один блок интерпретаций пространственных форм сознания диссертант выстраивает, задействуя мифологическую компоненту в структуре социальных восприятий. Цель: дополнительно обосновать вертикальную ориентацию топологии русского жизненного мира на материале реализации скрытых подсознательных интенций, исходящих из глубин физиологии рефлексов (!), опосредуемых соответствующими мифологемами конструирования пространства. В данном случае делается обращение к трудам отечественных физиологов А. Ухтомского и В. Бехтерева (учению о трех типах рефлексов – дегистивном, копулятивном и постуральном), чему далее находится соответствие трем антропологическим типам («диурн», драматический и мистический «ноктюрн») в работах французского социолога Ж. Дюрана. Продолжая логику анализа утопии, автор погружается в детальное рассмотрение зависимости между звеньями исследовательской цепи: рефлекс – режимы экзистирования – порождаемые ими типы мифологического сознания. Наибольшее внимание уделяется постуральному рефлексу, определяющему героическое (диурническое) мировосприятие, в наибольшей мере отве-

чающее запросу на изучение структуры пространства и вертикали, как способ преодоления последнего. Обстоятельно произведенный анализ концептуализируется в итоговом положении о принадлежности русского жизненного мира диурническому мифосу (крайне любопытно выглядит параллельно сделанное замечание о порождении энергией героического мифа таких направлений русской мысли, как почвенничество и космизм! – с. 130). Логика движения авторской мысли, в свою очередь, дает оправданный повод считать удавшейся попытку синтеза аспектов топоса на примерах структур утопии и мифа, равно как и резюмирующее заявление диссертанта о значимой роли географического фактора в процессе генерации смыслов.

В Заключении Базаровым А.Н. адекватно отражены основные результаты исследования и намечена программа дальнейшей разработки темы.

Общие замечания.

1. Если учесть, что физическое пространство трехмерно, а в рецептивном (феноменологическом) отношении аксиологически оказываются наиболее значимыми лишь два из них («верх-низ», «дальше-ближе»), то задача автора не является чрезмерно сложной – выбрать из двух вариантов один. По-видимому, что в подобном ограниченном раскладе выделить нечто, специализирующее только топику русского мира, маловероятно, поскольку та же вертикаль окажется характерной для множества культур и их «жизненных миров». Иллюстративные примеры, используемые автором для подтверждения собственной гипотезы, если их вычленять по той же аналогии, окажутся даже более характерными для иных национальных топосов (как быть со шпенглеровской фаустовской душой, отражающей, в частности, в готическом шпиле устремленность европейской культуры в бесконечность? Хотя автор вправе заявить, что он и не пытался через доминанту вертикали определить специфику *только* русского топоса...). По крайней мере, автор мог бы конкретизировать, какому историческому периоду русской культуры наиболее отвечает выстраиваемая им модель (на сей счет находим лишь одно и не вполне отчетливое уточнение – «адекватная настоящей реальности оригинальная кон-

цепция устройства русского жизненного мира» (с. 132), – т.е. современности?). Кроме того, из собственных рассуждений автора о присущем *всем* индивидам стремлении занять вертикальное положение, возвыситься над пространством (напр., с. 75, с. 122, в ссылках на Н. Федорова – с. 128 и т.д.) должен следовать вывод об универсальности (всеобщности) подобного экзистенциального параметра.

2. Из п. 1 замечаний ясно, что при выявлении структурных особенностей различных топосов речь может идти лишь о различных комбинациях «горизонтالي» и «вертикали», тем не менее, о первой диссертант предпочитает не упоминать, интуитивно предполагая, что оппонентом вертикали должна быть не горизонталь, но продолжение вертикали в противоположном направлении (вниз, в подземный мир). Однако исследование горизонтальной составляющей русского топоса не менее важно и не менее продуктивно, потому как: а) сама по себе вертикаль (будь то направленная вниз – «корни», если воспользоваться авторской метафорой дерева, или вверх) не конституирует себя самостоятельно в качестве таковой, но обретает себя в итоге самоопределения через утверждение контрадикторности, горизонтали, т.е. плоскости, земной поверхности, где, собственно, исходно и реализует себя «жизненный мир»; б) тем самым диспозиция верха и низа на стержне вертикали распределяется именно установками горизонтали – опытом жизненного мира (иными словами, горизонталь удерживает ось «верха», и как минимум, в семантическом аспекте), в то время как у автора иная иллюстративная аналогия: «...чем выше ветви дерева как вертикальной конструкции, направлены к Солнцу, тем более глубокое укрепление в земле вынуждены искать его корни (с. 84). Отсюда повышенный интерес диссертанта к «корням» и трудности с поиском подтверждающих примеров, в числе которых указание на значимость мемориальных пространств, окопов, и следующие за ними достаточно парадоксальные выводы, типа: «мы можем обнаружить внутри миропроекта русской топики центральные части ее «несущей конструкции», которой выступает бинарный модус <...> братской могилы/космического пространства

– это те рельсы, на которых совершает свое движение локомотив русской топки...» (с. 79) или: «...северная столица, как проект изначально утопический <...>, не может не быть не на костях, как и любой другой русский город» (с. 102); в) горизонталь, земная поверхность, будучи «нулевой точкой» отсчета верха и низа, сама является воплощением бинарности (чего стоит, к примеру, распределение земельных территорий по крайне предельным полюсам: земли священные («чистые») – кощунственные («нечистые»), свойственная эпохе русского Средневековья, – по свидетельству Ю.М. Лотмана, русская культура, вплоть до пушкинских времен, вообще не знала нейтральной семантической зоны), она же (горизонталь) выступает источником аксиологического наполнения, так что и «низ» способен оказаться в ранге «высокого», истинного (где, по убеждению средневекового русича, надлежит правду искать? В граде Китеже, который скрывается на дне Онежского озера!). Отсюда горизонталь, в не меньшей мере, чем вертикаль, структурирует русский топос. Вероятно, диссертант это осознает и сам, во всяком случае, в Заключении он высказывается о перспективе изучения почвенничества (хотя целесообразнее было бы обратиться просто к поиску специфических феноменов в истории русской культуры), очевидно, в качестве проекции на горизонталь.

3. На с. 30 автор поясняет особенность собственной методологической установки, уподобляя топос в исследовании жизненного мира «не скальпелю хирурга, а эндоскопу». Как следует из текста, за данным высказыванием скрывается уподобление топоса некоей сумме *внешних признаков* реализации отношения к пространству, проливающих свет на сущность русского *Lebenswelt*. В качестве таковых (признаков) могут быть избраны для анализа как экстремальные, прецедентные феномены преодоления и выражения пространства, так и устоявшиеся, повторяющиеся, т.е. ставшие повседневностью. Диссертанта более интересует первый вариант, по его мнению, более специфицирующий структурные интенции русского жизненного мира (отсылка к мемориальному пространству братских могил, высотных архитектур

турных и псевдоархитектурных сооружений здесь мало что дает, поскольку это явления, свойственные любой, по крайней мере, относительно развитой культуре). На наш взгляд, данная стратегия не совсем продуктивна, поскольку она способна обозначить лишь пределы пространственной «ойкумены» (но не проникнуть в ее сердцевину), границы возможностей и тем самым лишь обеспечить простор для выдвижения умозрительных гипотез (и в подобном случае изучать чей-либо жизненный мир вполне было бы уместно по книге рекордов Гинесса). Проблематика исследования и определяемые к ее решению материалы в комплексе обрели бы более результативный характер, будучи рассматриваемы через призму повседневности (к упоминанию данного термина необходимость явно подводит автора, но он делает это лишь вскользь). В принципе, можно было бы сохранить и аналитическую логику диссертанта, но – если бы он продвинулся несколько дальше и показал, как те же факторы, выходящие за пределы привычного жизненного опыта, становятся содержанием обыденности, традиции, которая является неотъемлемой стороной в функциональности любого *Lebenswelt*.

4. Решать «походя» такие сложные проблемы, как определение сущности понятия «русский», уточнение семантики «утопии», полагая достаточным свести обоснование тому к высказываниям типа «мы берем на себя смелость полагать...» (напр., с. 65), наполнять при этом избираемые термины иными нюансами, размывая их устоявшийся смысл (напр., понятие «утопия» семантически трансформируется в «изначальный проект», или «абстрактную модель» – с. 101, в конце концов, в подобном случае любая научная гипотеза или теория также будет абстрактной моделью, значит, утопией?) – все это, понятно, являясь следствием научного азарта, увлеченности и желания выработки самостоятельных взглядов (что само по себе приветствуется), требует все же более корректного и обдуманного подхода.

Указанные замечания, на наш взгляд, не должны создать дисбаланса в отношении положительных сторон исследования – ряд из них (замечаний), судя по тексту, автор улавливает сам, другие проистекают от упования (воз-

можно, несколько чрезмерного) на самобытное видение проблем и технологичного построения аргументации. Поставленная цель и сопряженные с ней решения задач могут считаться достигнутыми. Отдельно стоит отметить широкую, разностороннюю эрудицию автора и его умение излагать сложные идеи внятными научным языком.

Диссертация Базарова Арсения Николаевича «Топос русского жизненного мира» является законченным самостоятельным исследованием, характеризуется теоретической и практической значимостью результатов, научной новизной и удовлетворяет всем квалификационным требованиям ВАК РФ, предъявляемым к кандидатским диссертациям по философии, а соискатель Базаров А.Н. заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Отзыв подготовлен доктором философских наук, профессором С.Е. Юрковым, обсужден и единогласно утвержден на заседании кафедры философии Тульского государственного университета 16.10.2015 года, протокол № 2.

Заведующий каф. философии
канд. филос. н., доцент



Троегубов
Андрей Геннадьевич

Почтовый адрес:
ФГБОУ ВО «Тульский
государственный университет»
300012, г. Тула, пр-т Ленина, 92.
Тел.: (4872) 25-79-32

